ПОѢЗДКА ВЪ ПУТИВЛЬ.

(Отрывокъ.)

Если вы проѣзжали лѣтомъ Путивль, то вѣрно любовались прелестнымъ его мѣстоположеніемъ, плодоносіемъ окружныхъ полей и живописною Семью, свободно разливающеюся здѣсь во всей красотѣ по ровнымъ веселымъ лугамъ или въ тѣни высокихъ холмовъ, покрытыхъ рощами, селеніями и миловидными хуторками, разбросанными въ окрестностяхъ города, среди зеленѣющихъ садовъ.

Но это благословенное и нынѣ столь спокойное Посемье, удѣлъ добродушнаго Святослава Ольговича и храбраго Игоря сѣверскаго, нѣкогда главный притонъ самозванцевъ и гнѣздо возмутителей, откуда неистовыя толпы стремились безпрестанно буйствовать на пепелищѣ отечества,— замѣчательно еще и въ другомъ отношеніи. Мнѣ всегда казалось, что съ небольшею дѣятельностію не трудно отыскать здѣсь любопытные маше-

ріялы для исторіи; недавно же повѣривъ опытомъ мои предположенія, я совершенно убѣдился въ этомъ. И хотя имѣлъ возможность удѣлить только нѣсколько дней на поверхностный обзоръ города, и не успѣлъ собрать значительныхъ свѣдѣній, но какъ и одна черта, дополняющая что-либо въ исторіи, стоитъ уже вниманія просвѣщеннаго наблюдателя, то отложивъ до времени обстоятельное описаніе Путивля, познакомлю на первый случай съ городкомъ его, и надгробнымъ камнемъ Князя Василія Георгіевича, который въ первый разъ срисованъ мною по просьбѣ бывшаго путивльскаго предводителя А. Н. Львова, и кажется, напечатанный, вмѣстѣ съ описаніемъ моимъ, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, повтореніе о столь рѣдкомъ отечественномъ памятникѣ считаю не только не лишнимъ, но даже необходимымъ, чтобы исправить нѣкоторыя ошибки, вкравшіяся въ первое описаніе.

Площадь, на которой расположенъ Путивль, у прибрежья Семи, разбиваясь оврагами на отдѣльные холмы, имѣетъ на одномъ изъ нихъ древній *городокъ*, замѣчательный историческими воспоминаніями и прелестными видами. Справа, по набережной Семи, подымается, не въ дальнемъ разстояніи отсюда, высокій зеленый курганъ съ горнею церковью св. Николая, — мѣсто рѣдкое по красотѣ положенія; далѣе низменность занята подгородною слободою, примыкающею къ казеннымъ мельницамъ, и около нихъ, на другомъ берегу, недавно устроенный, по проекту г. Пузанова, обвод-

ный каналъ, по которому 15 іюля 1836 года, глава путивльскаго купечества Бѣляевъ, первый открылъ судоходство, отправивъ барку съ туземными произведеніями въ Кременчугъ. Желательно, чтобъ примѣръ его подѣйствовалъ на прочихъ, и торговая дѣятельность оживила прекрасный, плодородный край. Во всякомъ предпріятіи начало трудно и обыкновенно встрѣчается недовѣрчивостію: только время и опытъ, при содѣйствіи правительства, умудряютъ людей, и даютъ благодѣтельное направленіе капиталамъ и занятіямъ жителей. Влѣво за глубокимъ логомъ выдвигается на скалѣ *Монастырь Молчанскій* или *прежняя каменная крѣпость*, о которой упоминаетъ Маржеретъ (1) и которой ветхія башни и стѣны съ амбразурами и казематами еще цѣлы, и покойно отживаютъ вѣкъ свой на живописныхъ крутизнахъ, заросшихъ плодовитыми деревьями монастырскаго сада, кромѣ отличныхъ фруктовъ, свойственныхъ здѣшнему климату, въ иные годы производящаго даже виноградъ, совершенно вызрѣвающій на открытомъ воздухѣ. Основанная при Великомъ Князѣ Василіѣ Дмитріевичѣ, въ 20 верстахъ отъ города (гдѣ устроена потомъ пустынь Софроньевская) обитель молчанская существовала тамъ до 1593 года, когда Татары, разоривъ ее, принудили монаховъ поселиться въ этой самой крѣпости, гдѣ находились принадлежащія имъ церкви. Что видно изъ копіи съ подлинной грамоты, данной іеромонаху Сергію 1729 года, на монастырскія вотчины, и хранящейся въ путивльскомъ монастырѣ, так-

же изъ записокъ о Софроньевой пустынѣ. Въ этой крѣпости, какъ безопасномъ пристанищѣ, вѣроятно, жилъ и первый самозванецъ: въ главной церкви показываютъ чудотворный образъ Жировицкой Богоматери съ польскою надписью, пожертвованный, можетъ быть, кѣмъ-нибудь изъ сподвижниковъ Отрепьева (а), а въ архимандритскихъ кельяхъ готическое кресло Лжедимитрія, украшенное рѣзьбою и позолотою. Здѣсь и могила греческаго патріарха Іереміи, умершаго въ Путивлѣ, на возвратномъ пути изъ Москвы 1654 года. Объ этомъ упоминается въ путешествіи въ Москву арабскаго патріарха Макарія (Библіотека для Чтенія, 1836 г., N 15), и что дѣйствительно подтвердилось Синодикомъ обители, гдѣ сказано: «Сіи архіереи грѣчестіи погребены здѣсь въ монастырѣ: преосвященный *Іеремій*, преосвященный *Неофитъ* епископъ.» За монастыремъ тянется лѣсистый горный берегъ Семи, на котоpомъ, верстахъ въ двухъ отъ города, на обрывистой скалѣ, надъ самою рѣкою, находятся остатки древняго укрѣпленія, состоявшаго валъ и ровъ окружностію съ версту, и извѣстнаго подъ именемъ *Княже-*

(а) Образъ большаго размѣра, писанъ на полотнѣ масляными красками, и по обводу круга, въ которомъ изображена Богоматерь съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, слова: *Pociesznieiszana Dcherr-binyc hwalenieisza nad Seraphiny besz Razy slowo boga rodzaca.* А внизу: *Obraz cudowny P. Mariey w Zyrowicach w XI-e B Walitew.* Число XI указываетъ, кажется, на 1611 годъ отъ Р. Хр. Въ той же церкви панагія, жалованная Борисомъ Годуновымъ, а въ монастырской библіотекѣ острожская Библія. Но обитель эта заслуживаетъ подробнаго описанія.

скаго Городка. Преданіе говоритъ, что тамъ былъ дворецъ князей путивльскихъ, и не такъ давно еще граждане имѣли обыкновеніе, въ лѣтнее время, пріѣзжавъ туда съ семействами, веселились въ тѣни густаго лѣса, раскинувъ палатки, угощали другъ друга чаемъ, пѣли и плясали на лужайкѣ, въ виду тихой Сеймы, крутыми, роскошными изгибами пробирающейся къ городу, гдѣ, съ одной стороны, съ высоты съ праваго берега сходятъ навстрѣчу царицѣ курскихъ рѣкъ домики, сады, огороды путивльскихъ жителей, съ другой, необозримые луга разстилаютъ ей зеленую пелену свою, и взоръ на пространствѣ сорока верстъ то слѣдитъ за излучистымъ теченіемъ рѣки то разбѣгается по пышнымъ муравчатымъ коврамъ, на которыхъ блестятъ заливы и протоки, мелькаютъ рощи, села, деревни и отдаленные лѣса, или любуется безчисленными садами, которые, осѣняя вершины и скаты холмовъ, обвиваясь около зданій, и спускаясь вмѣстѣ съ ними въ лощины и крутояры, составляютъ лучшее украшеніе одного изъ древнѣйшихъ городовъ Россіи, процвѣтавшаго нѣкогда не одними садами.

Положеніе городка, въ срединѣ набережной, занимаемой городомъ надъ Сеймою, при впаданіи въ нее рѣчки Путивльки, давшей, можетъ быть, названіе городу, на отвесистой скалѣ, обнесенной съ сѣвера и запада высокимъ валомъ и рвомъ, а съ юга защищаемой рѣчкою, доказываетъ, что онъ есть первоначальное укрѣпленіе Путивля. На памяти старожиловъ, въ нѣкоторомъ отъ него раз-

стояніи, проходилъ другой такой же высоты валъ, съ тремя воротами, и, соединявшись съ городкомъ, захватывалъ значительное пространство, въ коемъ жители, съ драгоцѣннымъ имуществомъ обыкновенно укрывались при набѣгахъ непріятелей. Теперь еще видны мѣста, гдѣ былъ между валами подземный въ Путивлѣ за водою ходъ, и колодезь, уже завалившійся. Надъ главными воротами со стороны площади стояла деревянная башня, достопамятная явленіемъ на ней въ 7108 (1600) образа Смоленскія Божія Матери Одигитріи, находящагося теперь въ городской воскресенской церкви. Съ этой башни стража весьма удобно могла обозрѣвать окрестности. Валъ же, усаженный палисадомъ, оборонялся пушками; но послѣ взрыва пороховаго амбара, лѣтъ за 40 предъ симъ случившагося, — причемъ сгорѣла и башня,— онъ былъ срытъ, а орудія перевезены въ Кіевъ и на луганскій заводъ. Подобнымъ образомъ укрѣплялись всѣ древніе города наши; особенно пограничные, угрожаемые всегда опасностію нечаяннаго нападенія, и устроивавшись на выгодныхъ для обороны мѣстоположеніяхъ, могли для южныхъ сосѣдей нашихъ, по тогдашнему младенческому состоянію военнаго искусства, представить къ овладѣнію ими немаловажныя затрудненія.

Въ 1146 году Путивльцы за щитомъ этихъ земляныхъ оградъ мужественно отражали союзниковъ Изяслава кіевскаго; а въ 1159 году принудили князя Изяслава Давидовича отступить безъ успѣха. На городкѣ, какъ надобно полагать, нахо-

дился и домъ Святослава Ольговича, въ которомъ непріятели въ 1146 году захватили всю его казну: 500 берковецъ меду и 50 корчагъ вина въ выходахъ; на этомъ же прелестномъ мѣстѣ жили, можетъ быть, и прочіе князья путивльскіе, и сынъ мудраго Ярослава галицкаго, Владиміръ, изгнанный отцемъ, имѣлъ пристанище у гостепріимнаго зятя своего Игоря Святославича, успѣвшаго наконецъ примирить его съ разгнѣваннымъ родителемъ. Когда же въ 1185 году, по словамъ вдохновеннаго пѣвца Игорева, герой сѣверскій повелъ удалыя дружины въ степи половецкія добывать смерти или славы, оставленная имъ въ Путивлѣ горестная супруга его встрѣчала здѣсь слезами утро ясное «съ городской стѣны смотря въ чистое поле» и въ сердечной тоскѣ умоляла и солнце, и вѣтры, и струи быстраго Днѣпра возвратить ей друга милаго; а послѣ пораженія Игоря, при нападеніи Половцевъ на Путивль, когда варвары сожгли острогъ его, нашла въ городкѣ защиту и спасеніе. Я полагаю, что этотъ древній *острогъ* находился между Семью и Крынкою на южной оконечности города, гдѣ построена потомъ каменная крѣпость, превращенная наконецъ въ Монастырь Молчанскій, когда правительство послѣ Самозванцевъ, которымъ такъ усердно служили Путивльцы, нашло полезнымъ уничтожить ее. Острогъ и городокъ, составляли двѣ главныя опоры Путивля, издавна щитавшагося крѣпкимъ. Донынѣ еще существуетъ острожный валъ, идущій поперегъ города къ верховью

Крынки, о коемъ упоминаешся и въ грамошѣ Михаила Ѳеодоровича, жалованной Молчанскому Монастырю (7029) 1621 опъ Р. Хр., при Игуменѣ Герасимѣ. Безъ сомнѣнія, и при Самозванцахъ мѣсто это, какъ пребываніе воеводъ, служило также шеапромъ многихъ замѣчашельныхъ происшесшвій, въ коихъ Пушивльцы принимали шогда сполъ дѣяшельное учасшіе и послѣдсшвія копорыхъ были шакъ важны для нашего опечесшва.

Кромѣ Монасшыря св. Спаса, въ городкѣ находились еще двѣ приходскія церкви, съ 1724-го Соборъ Преображенія, переведенный въ уничшоженный Духовъ Монасшырь, большой воеводскій домъ (въ копоромъ жилъ самъ воевода, и помѣщалась канцелярія его), а съ опкрышія намѣсшничесшвъ, присупсшвенныя мѣсша: казначейсшво, архивъ и погреба, гдѣ хранилась казна, порохъ и разныя боевые припасы; но время все уничшожило, и шеперь, среди бугровъ и могилъ, возвышаешся шолько часшоколъ опрога, какъ копья великановъ на безсмѣнной спражѣ запусшѣнія; да и въ нѣсколькихъ шагахъ опъ этого временнаго гроба живыхъ, валялся въ безвѣсшносши и небреженіи *надгробный камень Князя Василія Георгіевича*, чудесно сохранившійся до нашего времени. По свидѣшельсшву очевидцевъ, досшойныхъ вѣроящія, въ городѣ находилось до 8-ми подобныхъ плишъ, съ надписями; но невѣжесшво жишелей и безпечносшь прежняго начальсшва допуспили разобрашь ихъ подъ фундаменшы домовъ!! Такая же учасшь угрожала послѣдней, и если бъ не обрашили на

нее вниманія, що несмотря на имя княжеское, можетъ быть, пришла бы и ее очередь служить краеугольнымъ камнемъ какой-нибудь обывательской хижинѣ. При всемъ томъ дерзкая рука, кажется, сдвинула уже ее съ мѣста, что по легкости плиты не трудно было сдѣлать, и доказывается отчасти тѣмъ, что она лежитъ на плоскости безъ малѣйшаго возвышенія, и земля, которая по прошествіи шести вѣковъ должна бы значительно вдавиться подъ ней, нисколько не осѣла. По взрытіи, сдѣланномъ мною при г. городничемъ, не оказалось также ни склепа, или какого-нибудь кирпичнаго свода, чего можно бъ ожидать надъ могилою княжескою, а хотя и нашли сосновый, совершенно истлѣвшій, гробъ, нѣсколько гвоздей, которыми онъ былъ сколоченъ, и скелетъ человѣческій, однако не подъ самымъ камнемъ, а нѣсколько въ сторонѣ отъ него; но какъ въ городкѣ при монастырѣ и церквахъ могли погребаться многіе, то по этому нельзя и опредѣлить, точно ли плита покрываетъ могилу князя, или другаго покойника, давно здѣсь положеннаго. Слова на камнѣ вырѣзаны углубленіями; самый же камень, состоящій, кажется, изъ крѣпкаго песчаника, по распоряженію г. Львова, огражденъ рѣшеткою.

Василько или Василій Георгіевичъ былъ сынъ Георгія Долгорукаго, но неизвѣстно ни время рожденія ни первыя дѣла его юности; знаемъ только, что ему отданъ былъ 1149 г. въ удѣлъ Суздаль (2), который Георгій предоставилъ меньшимъ

сыновьямъ своимъ (5). Что въ 1152 оставленъ онъ былъ съ 50 челов. дружины на помощь Святославу Ольговичу, защищалъ съ нимъ Новгородъ сѣверскій отъ нападенія Изяслава, и, при заключеніи мира, возвратился къ отцу (4). Когда же Георгій достигъ цѣли долговременныхъ усилій, прочнаго владѣнія Кіевомъ, Василій 1150 года получилъ окрестность Роси, гдѣ обитали Торки и Берендеи (5), и имѣвши владѣніе близъ древней столицы, столь любезной отцу его, располагалъ, кажется, и самъ основать тамъ жизнь свою; но кончина Георгія, и, послѣдовавшій за нею мятежъ народа, причемъ и домъ, который имѣлъ Василій въ Кіевѣ, разграбленъ былъ жителями, воспрепятствовали исполненію намѣреній его (6). Однако онъ долго еще послѣ того оставался въ поросскомъ удѣлѣ своемъ, и хотя послѣ и принужденъ былъ уступить его сыну В. Кн. кіевскаго Ростислава Рюрику (7); но живя съ ними въ согласіи и дѣйствуя даже заодно противъ врага Ростислава, Изяслава Давидовича (8), не покидалъ южной Россіи; наконецъ, соскучивъ скитаться безъ собственности, тогда какъ принадлежащая ему область суздальская и обширныя земли находились во власти брата его, могущественнаго Андрея, не хотѣвшаго отрѣзать ему ни лоскута изъ владѣній своихъ, рѣшился, можетъ быть, искать управы мечемъ, раздражилъ Андрея, стремившагося къ единовластію, и высланъ былъ изъ предѣловъ отечества. Несчастные изгнанники, Мстиславъ, Михаилъ, Всеволодъ и Василій Георгіевичи,

съ матерью ихъ Гречанкою (мачихою Андрея), удалились въ Грецію. Тамъ императоръ Мануилъ, пронуявый горестнымъ ихъ положеніемъ, оказалъ имъ ласку и покровительство, и далъ Василію четыре города на Дунаѣ. Долго ли жилъ онъ въ странѣ чуждой? неизвѣстно; по-крайней-мѣрѣ, когда Всеволодъ и другіе братья его возвратились въ Россію, Василій все еще оставался въ Греціи; но гостепріимство иноземцевъ не замѣняетъ родины; и надпись на камнѣ доказываетъ, что въ 1191 году онъ былъ уже въ отечествѣ, и княжилъ въ Путивлѣ, который могъ доставить ему братъ его Всеволодъ, нѣкогда соучастникъ Василія въ бѣдственномъ изгнаніи, а тогда сильный владыка суздальскій, уважаемый удѣльными князьями, повелитель сѣвера, и опасный юга Россіи.

Если положишь, что Василій Георгіевичъ въ 1152 году (когда оборонялъ вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ Новгородъ сѣверскій) имѣлъ только 20 лѣтъ, то онъ долженъ былъ умереть 78-ми лѣтъ отъ рожденія.

Въ заключеніе надобно сказать, что городокъ служитъ любимымъ мѣстомъ прогулки путивльскихъ жителей. И точно, если бъ пустырь этотъ превратить въ англійскій садъ, расчистить Путивльку, невидимо пробирающуюся теперь въ оврагѣ, снести острогъ, который по ветхости и тѣснотѣ своей и безъ того долго служить не можетъ, сдѣлать покойные сходы къ Семи и хотя небольшой памятникъ Василію Георгіевичу, какъ единственному князю, завѣщавшему прахъ

свой Пушивлю, що при опкрышыхъ видахъ, предспавляющихся опсюда въ разныя спороны, мѣсно эпо было бы очаровашельно, и конечно немногіе уѣздные города могли бы похвалишься пріяшнѣйшимъ гульбищемъ..

Надпись на камнѣ:

Лѣша въ 708-е или 718-е: лишера И можепъ означашь двѣ И и I. (18), вмѣспѣ соединенныя, и послѣднее число болѣе можно согласишь съ исшорическими обспояшельспвами, почему кажепся и должно чишашь шакъ:

Лѣша въ 718-е въ Пушивле в (ѣ)
Преспавился рабъ Божій благовѣрный (*)
Князь Василій Георгіевичъ.
Въ 19 году княженія (о вѣроятно э)
скончался.

Изъ 7345 лѣшъ опъ С. М.
— 6718 опъ С. М.

627 сполько прошекло опъ кончины Князя до нашего времени.

Изъ 1837
— 627

Выйдепъ 1210, годъ кончины Князя.

Изъ 1210
— 19

1191, начало княженія.

(*) Мнѣ кажется, должно читать не благовѣрный, а *удѣльный*: и слово д, стоящее на верху строки, кажется, оправдаетъ это предположеніе, тѣмъ болѣе, что названіе удѣльный было въ то времена болѣе общимъ, нежели благовѣрный? Во всякомъ случаѣ, я желалъ бы слышать объ этомъ мнѣніе отъ автора статьи, видѣвшаго на мѣстѣ самый памятникъ. *Изд.*

А изъ 1210
—— 1152, годъ нападенія на Новгор.-сѣвер. Изяслава, когда можно положишь Василію 20 лѣтъ.

58
+ 20

78, число лѣтъ жизни его.

Д. Деменковъ.